

Глава 7

МЕСТО И РОЛЬ РОССИИ В МИРОВОЙ КУЛЬТУРЕ

1. Россия как уникальный полиэтничный культурный мир

Культура России занимает особое место в мировой истории. И дело не в том, что, как полагают отдельные мыслители и историки, она выполняет особую миссию, а в том, что она располагается между двумя традиционно противостоящими друг другу мирами: Востоком и Западом. С одной стороны, Россия образует целостное культурное пространство, с другой стороны — это пространство исключительно разнообразно, что не позволяло и не позволяет сегодня представить отечественную культуру сквозь призму только восточных традиций или только западных. Хотя тот путь, на который Россия встала, начиная с реформ Петра Великого, во многом сблизил нас именно с европейскими странами. И все же Россия, идя в целом по европейскому пути развития, неизбежно противопоставляла себя Европе, как и Европа до сих пор продолжает противопоставлять себя российскому или евразийскому пространству.

В силу того, что письменное культурное наследие сохраняется преимущественно на русском языке, который и объединил на определенном историческом этапе различные народности, русская культура принадлежит к общеславянскому типу. Значительная степень сходства в языковом и этническом планах, ориентированная на преобладающий славянский этнический элемент, обеспечили целостность сложившейся культуры, что подчас порождало тягу к панславизму (духовному и политическому объединению славянских народов под эгидой России). Но наряду с этим само славянское население России фактически представляет собой ряд существенно отличных субэтносов (население Поморья, Русского Севера, Поволжья, Сибири, Приморья, казачество и т. д.), исторически сформировавшихся в ходе приспособления к местным природным и культурным ареалам. Важную роль в становлении культуры

России сыграло взаимодействие с представителями различных этнических групп, населявших Евразию, включавшее в себя взаимную культурную адаптацию и обмен культурным опытом.

На протяжении многих веков на обширных пространствах Евразии шел процесс постепенного культурного взаимообогащения и ассимиляции, что способствовало возникновению общей традиции, со временем ставшей государственной. Источником этнического разнообразия было прежде всего историческое взаимодействие славянских, финно-угорских и тюркских этнических групп. С середины XVI в. (эпоха Ивана Грозного), расширив территориальные границы, Россия стала полиэтничным государством. Это определило одну из важнейших характеристик этнокультурного облика России — значительный диапазон языковой вариативности, разнообразие фольклора, обрядов, верований и форм бытовой культуры. К концу XIX в. в России насчитывалось свыше 150 больших и малых этносов, все более интенсивное взаимодействие между которыми вело ко все более значимому взаимопроникновению культур.

2. Система ценностей отечественной культуры

Постижение самобытных оснований отечественной культуры всегда было одной из основных задач русской философии. Признание своеобразия русской культуры и ее особой роли в мировом социокультурном процессе наглядно запечатлелось в целом ряде выразительных образов, таких как «русская душа», «русская идея» и т. д. С этими категориями во многом связан интерес к исследованию «феномена России» в мировом научном сообществе. В отечественной истории «русская идея» впервые была отчетливо озвучена и оформлена в виде ценностной триады «православие, самодержавие, народность», предложенной в качестве идеологического лозунга графом С. С. Уваровым (1786–1855) при вступлении в должность министра народного просвещения.

С. С. Уваров обстоятельно раскрыл содержание этой триады в отчете «Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1843». Он отмечал упадок религиозности, культуры и государственности в окружающем мире, в силу чего «надлежало укрепить Отечество на твердых основаниях, на коих зиждется благоденствие, сила и жизнь народная; найти начала, составляющие отличительный характер России и ей исключительно принадлежащие»¹. Уваров писал о необходимости соеди-

¹ Здесь и далее цит. по: Уваров С. С. Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1843. — СПб., 1864. С. 2–4.

нять «выгоды нашего времени с преданиями прошедшего и с надеждами будущего, чтобы народное воспитание соответствовало нашему порядку вещей, и было не чуждо европейского духа». Как видно, ключевая идея графа Уварова заключалась в том, что сохранение собственной системы ценностей не препятствует интеграции в пространство европейской цивилизации, но позволяет соответствовать уровню европейской культуры, не теряя самобытности.

Нельзя не согласиться с тем, что государство и религия были важными факторами консолидации и защиты общества и культуры на протяжении многих веков отечественной истории. Однако их взаимодействие и культурное влияние отличаются противоречивым характером. Православие дало Руси книжную культуру — важнейший элемент просвещения, в трудные годы оно способствовало духовному и политическому сплочению народа. Однако прочная связь церкви и престола приводила к тому, что недовольство государственной властью переносилось и на церковь. Церковные порядки, установленные Петром I и его преемниками (введение Синода, секуляризация церковных земель и др.), усилили организационную зависимость церкви от государства и окончательно превратили ее в дублера светской власти. На протяжении XVIII–XIX вв. идет процесс секуляризации культуры, в образованных кругах усиливается недовольство духовной косностью православия, с распространением демократических настроений получает идейный импульс и критика церковных институтов. Отголоски этих противоречий напоминают о себе и в жизни современной России.

Пограничное положение России между двумя континентами и цивилизационными типами — Европой и Азией, Западом и Востоком — также способствовало внутреннему антагонизму культурных установок и ценностей. Мыслители западнической ориентации предпочитали видеть в России неуклонную тенденцию приобщения к Западу и преодоления «восточной отсталости». Мыслители-славянофилы, напротив, отстаивали самобытность России, принципиальное отличие ее от Запада, как, впрочем, и от Востока, придавая первостепенное значение общинно-православному началу. Позднее выявилась и евразийская линия в понимании русской культуры; представители этого направления полагали, что своеобразие России заключается в наличии пространственной, исторической и духовной целостности при одновременном культурном разнообразии, включающем в себя как европейские, так и азиатские черты.

Особый интерес для культурологии представляет периодизация русской истории, осуществленная Н. А. Бердяевым (1874–1948). Он выделил пять временных периодов, которым соответствуют разные сущности «пяти разных России», исповедовавших различные идеалы и ценности: 1) киевская; 2) татарская; 3) московская; 4) петровская; 5) импе-

раторская. Особым, шестым, образованием — добавим мы — стала Россия советской эпохи.

Как показал Бердяев, эти России, сменяя друг друга, накладывались друг на друга, не образуя органического единства и преемственности. Напротив, общество переживало радикальные, во многих отношениях катастрофические изменения социокультурной ориентации. Каждый переход от одного периода к другому сопровождался не просто перестройкой предшествующих политических и социальных структур, но и энергичными мерами по отрицанию и разрушению отвергаемого прошлого. В истории России, по замечанию Бердяева, можно найти немало антиномий, свойственных всякой культуре и создающих разнообразие национально-духовной жизни: индивидуализм — коллективизм, смирение — бунт, природная стихийность — монашеский аскетизм, мягкость — жестокость, самоотверженность — эгоизм, элитарное — народное, высокое — обыденное, национализм — космополитизм и пр.

Но наряду с этим в русской культуре присутствуют и своеобразные черты принципиального «единства противоречий»:

- между природно-языческим началом и высокой религиозностью;
- между культом материализма и приверженностью возвышенным духовным идеалам;
- между всеохватной государственностью и анархической вольницей;
- между национальным самомнением, смыкающимся с великодержавностью, и мессианским универсализмом;
- между поисками социальной свободы и подчинением деспотическому государству;
- между «русификацией» православия как оплота христианской России и стремлением к превращению православия во вселенскую религию;
- между принятием косного земного бытия, стяжательством и безграничной свободой, исканием Божьей правды;
- между западничеством как увлечением образцами прогресса, свободы личности, рациональной организации жизни и восточничеством как интересом к упорядоченной и стабильной, но сложной и разнообразной жизни или же интересом к высокой духовности и мистическим озарениям Востока.

Несмотря на то что в русской культуре несомненно присутствовала тенденция к формированию некоторого ядра и выявлению посреднических ориентаций и структур, которые примиряли бы крайности, эта тенденция не получила полноценного развития. Поэтому в духовной жизни общества порой имело место ожесточенное противостояние раз-

личных течений, а это приводило к резким срывам и переходам к состояниям прямо противоположным. Это были противоречия собственно «русской идеи», выразившие внутреннюю бессистемность и разорванность как русской культуры, так и всего общества.

Определяющим фактором, способствовавшим такой разорванности, было распространение культуры виширь, на огромные пространства Евразии. Как считали многие мыслители, роль пространства, распространения «по горизонтали» является основной причиной ослабления системообразующих начал русской культуры и несформированности ее «вертикали», то есть устойчивой иерархии ценностных ориентаций. К тому же на этом огромном пространстве русская культура находилась в тесном взаимодействии в рамках единого государства с другими, исключительно отличающимися друг от друга культурами и цивилизациями.

Православие было распространено в ограниченном регионе. Западное христианство — католицизм — твердо удерживалось в западных частях империи, в том числе среди «латинизированных» украинцев. Другая мировая религия — ислам — создавала отчетливую общность народов Центральной Азии, части Кавказа и некоторых внутренних областей России (Татария). Бухара и Самарканд были влиятельными центрами для исламских регионов империи, а также и для зарубежных мусульман. В Южной Сибири в пределах Российской империи был распространен буддизм, составляющий значительный религиозный регион, граничащий с Монголией и Китаем и опосредованно связанный с Тибетом как духовным центром.

С нарастающей силой проявилось в последние два века существования Российской империи крупнейшее противоречие: стремление к сохранению единства на основе традиционности при одновременной высокой динамике изменений, происходивших во всех областях жизни. С одной стороны, существовала устремленность к государственному единству этого огромного разнородного конгломерата, воплотившаяся в идее самодержавия. Этому способствовало развитие идеи «третьего Рима», поскольку предполагалось объединить многочисленные народы различных вероисповеданий под единой сильной императорской властью. С другой стороны, все более насущной становилась потребность общества в развитии, которое не могло осуществиться без активной деятельности всех сословий и групп, без преобразования присущих им ценностей и ориентаций, а также без реорганизации социальной системы и инфраструктуры, обеспечивающей коммуникацию на столь большой территории.

Уже в XVIII в. русская общественная мысль в основном преодолела присущее православию прямое и упрощенное противостояние «не-

верным», «нехристям» и «басурманам». А далее около трех веков шла работа по постепенной нормализации административного управления империей. Длительный опыт продвижения на Восток и на Запад научил русское правительство, начиная с Ивана Грозного, не опираться лишь на военную силу, а достигать компромисса с местными религиозно-культурными и политическими структурами. Авторитарное правление допускало гибкий режим политической регуляции и ограниченную культурную и религиозную автономию включенных территорий. Имперское правительство довольно рано стало руководствоваться принципами конфессиональной терпимости для налаживания эффективной системы управления. Включение в Российскую империю все новых и новых территорий не сопровождалось установкой на ассимиляцию, изменение жизни, религии и языка подчиненных народов. Напротив, предметом показной идейной гордыни было «многообразие племен, вер, языков». Вместе с тем рутинная практика управления полиэтничным государством не столько способствовала плодотворному культурному синтезу, сколько упрочивала обременительные культурные барьеры (например, в форме законодательно закрепленных ограничений в отношении межконфессиональных браков). Усомниться в возможности продуктивной интеграции на имперском этапе российской истории заставляет само выделение разнокультурных неславянских общностей в единую административную категорию — инородцев.

На протяжении всей истории давали знать о себе и многочисленные социальные проблемы. Уже к концу XVIII в. в общественном сознании сложилось представление о расхождении между интересами государства и общества, получившее выражение в осуждении существующего порядка (А. Н. Радищев, Н. И. Новиков), а в начале XIX в. были выдвинуты оппозиционные проекты социального переустройства (декабристы). Ведущей темой русской культуры стала критика власти и социальных устоев. Знакомство с идеями К. Маркса способствовало появлению в среде леворадикальной интеллигенции идейного течения, в рамках которого была сформирована всеобъемлющая программа переустройства общества. Со своей стороны государство выступило с жестокими репрессиями по отношению не только к политическим контрдвижениям, но и к проявлениям всякой оппозиционной мысли. Кульминацией противоборства государства и общества стали революции 1917 г., которые, однако, не привели к разрешению многовековых противоречий, но лишь придали им новую форму. Политическая история России в XX в. также характеризуется противостоянием жесткой государственной власти и критически настроенной интеллигенции, возведшей неконформизм в ранг самостоятельной культурной ценности.

3. Основные направления русской культурфилософской мысли

Отечественная культурфилософская мысль как таковая складывается в XIX в., продолжая заложенную духовными мыслителями Древней Руси и деятелями культуры эпохи Просвещения традицию осмысления национальной культуры, формируя при этом целостные концепции и научные подходы. Имея свою специфику, обусловленную внутригосударственными процессами, русская культурологическая мысль испытывала существенное влияние западноевропейской философии и общественной мысли. При всем многообразии подходов к исследованию культуры и оценок путей культурного развития России общей чертой отечественной культурологической мысли был высокий гуманистический пафос, сочетающийся с критическим отношением к культурным реалиям.

В начале XIX в. бурная полемика о культурных особенностях России была вызвана идеями П. Я. Чаадаева (1794–1856). Его позиция выражена в знаменитых «Философических письмах» (1829–1831). Опираясь на идею Гегеля о «неисторических» народах, автор ставит под сомнение способность российского народа к самостоятельному культурному развитию, он считает культуру России «всцело заимствованной, подражательной» и поэтому неспособной накапливать культурный опыт: «Внутреннего развития, естественного прогресса у нас нет, прежние идеи выметаются новыми, потому что последние не вырастают из первых, а появляются у нас откуда-то извне»¹.

Именно на этом основании Чаадаев противопоставляет Россию и Европу. Безусловно, Чаадаев далек от некритичной идеализации западного мира, но главное, что определяет для него суть европейской культуры, — органичность ее развития: «...Разумеется, в странах Европы не все исполнено ума, добродетели, религии, — совсем нет. Но все там таинственно подчинено силе, безраздельно царившей в ряде веков; все в ней вытекает из того продолжительного сцепления фактов и идей, которым создано теперешнее состояние общества». Развитие богословия и философии, науки и литературы, правовых институтов, гармонично возникших из истории западноевропейской культуры идей долга, справедливости, права, порядка, определивших политический уклад, в совокупности обусловило «прогресс человеческого разума», способствовало улучшению нравов, приблизило европейцев к Царству Божьему.

¹ Здесь и далее цит. по: *Чаадаев П. Я. Избранные сочинения и письма.* — М.: Правда, 1991. С. 24–38.

Обращаясь к отечественной истории, П. Я. Чаадаев констатирует, что вся культура России до Петра Великого представляла собой «лист чистой бумаги». «По воле роковой судьбы» русская культура обратилась «за нравственным учением» к «растленной Византии», что и стало причиной изоляции от Европы и отставания от нее. Затем волей Петра мы стали принадлежать «Европе и Западу». Западный мир, базирующийся на католицизме, по убеждению Чаадаева, сохраняет истинные заветы Христа. Для того чтобы «социальная идея христианства» развилась на российской почве, Чаадаев предлагает «стремиться всеми способами оживить наши верования и дать нам воистину христианский импульс», то есть обратиться к католицизму.

В более позднем произведении «Апология сумасшедшего» (1837) П. Я. Чаадаев пересмотрел некоторые тезисы своей теории. Автор размышляет об особом пути России, о том, что «провидение поручило нам интересы человечества». Идея «счастливого» положения, в котором оказалась Россия, поскольку она имеет возможность использовать опыт Запада и избежать ошибок в развитии, была учтена и по-своему осмыслена славянофилами, а также А. И. Герценом и Н. Г. Чернышевским.

Наиболее яркие представители славянофилов — А. С. Хомяков, И. В. Киреевский, К. С. Аксаков — стремились выработать особую русскую философию. Самобытность России славянофилы видели в крестьянской общине, православии и соборности русского народа. Оригинальное учение о соборности позволяло обосновать существенное отличие культурного развития России от европейского буржуазного пути. Соборность мыслилась как объединение людей на основе высших духовных, религиозных ценностей: любви и свободы. С этой ценностной установкой связаны определяющие социокультурные особенности России — крестьянская община и православная вера. Православие и общинность, с точки зрения славянофилов, могут и должны стать основой мирного сосуществования представителей различных сословий в России.

Критически оценивая реформы Петра I, мыслители считали, что в их результате Россия отклонилась от естественного пути развития, однако преобразования не изменили ее внутреннего строя и существует возможность вернуться к прежнему пути, отвечающему духовному складу славянских народов. Под лозунгом «Царю — власть, народу — мнение» славянофилы выступали против всяческих нововведений в области государственного управления, особенно против конституции по западному образцу. Духовной основой славянофильства было православное христианство, с позиций которого они критиковали материализм и классический (диалектический) идеализм И. Канта и Г. В. Ф. Гегеля.

Понятие соборности, которое является основополагающим для культурно-философского учения славянофилов, ввел А. С. Хомяков (1804–1860). Под соборностью он понимал особый род человеческой общности, базирующийся на свободе, любви, вере. Соборность — это свободное единение людей в их совместном стремлении к истине и созиданию мира. Она обязательно предполагает свободу духа и совести каждого члена общества. Однако принцип соборности вовсе не отрицает личность, напротив, сотворяет и утверждает ее. Важнейшее место в социокультурном процессе занимает церковь, но она, по словам Ю. Ф. Самарина (1819–1876), рассматривается Хомяковым не как система, учреждение или доктрина, а как «живой организм, организм истины и любви или, точнее: истина и любовь как организм»¹. В отличие от П. Я. Чаадаева, А. С. Хомяков считал истинной христианской религией православие: в католицизме есть единство, но нет свободы, в протестантизме, напротив, свобода не подкрепляется единством. Только для православия характерна соборность, или общинность: сочетание единства и свободы, опирающаяся на любовь к Богу.

И. В. Киреевский (1806–1856) отмечал, что рассудочность в умственной жизни Запада заменила внутреннее содержание, заразила западную христианство. Европейская государственность основана на завоевании, что в итоге и разрушит западную просвещенность. Зарождение российской государственности не было основано на завоевании, границы между сословиями были условны, правда, внутренняя превалировала над внешним правом — вот в чем заключались отличительные черты древнерусской культуры. В святоотеческой литературе, в православии мыслитель видел духовную альтернативу западноевропейскому Просвещению. По мысли Киреевского, в нашем государстве церковь способствовала объединению малых общин в крупные, что и привело в итоге к образованию большой единой общины — Русской земли: общности земли, веры и обычаев. Мыслитель определяет соборность как подлинную социальность, носящую ненасильственный характер, как качество социокультурной жизни, прообраз Царства Божия на земле.

К. С. Аксаков (1817–1860) сформулировал концепцию «земли и государства», в рамках которой доказывал особенность исторического пути русского народа. В записке «О внутреннем состоянии России» (1855) Аксаков предложил вариант идеального социокультурного устройства, следование которому позволит избежать общественных бунтов, протестов, даже революций, охвативших Европу. С его точки зрения, единственной приемлемой для России формой государственного правления,

¹ Самарин Ю. Ф. Предисловие // Хомяков А. С. Полн. собр. соч.: В 8 т. — М.: Университетская типография М. Каткова, 1886. Т. 2. С. XXI.

соответствующей всему ходу русской истории, является монархия. Другие формы правления, включая демократию, предполагают участие общества в решении политических вопросов, а это противоречит характеру русского народа. Формой государственного правления в России может быть только неограниченная монархия. Таким образом, основой жизни общества и государства, основой национальной культуры может быть невмешательство народа в действия государства, а государства — в свободу духа народа.

Всех славянофилов объединяет мысль, что национальную культуру, российскую государственность нельзя строить по западному образцу, у России собственные культурные пути и модели. Идеологи славянофильства зачастую идеализировали черты русского национального характера, образа жизни, верований. В своих научных построениях они предпринимали попытки вывести будущее России из прошлого, ратовали за возрождение патриархальных социокультурных моделей.

Первую оценку полемике славянофилов и западников, к которым в основном относились профессиональные историки во главе с профессором Т. Н. Грановским (1813–1855), дал А. И. Герцен (1812–1870), отметив «одну любовь к России, но неодинаковую». Вопрос о самобытности русской культуры надолго становится одним из самых значимых в отечественной мысли.

А. И. Герцен был убежден в том, что славянские народы, безусловно, принадлежат Европе, поскольку они связаны с нею мощной силой христианства и единством истории. Прилагая к российской истории принципы немецкой диалектики, Герцен видел главную причину замедленного развития России по сравнению с остальной Европой в отсутствии содержательных социальных и, как следствие, политических противоречий. Для развития человечество должно находиться в борьбе, именно она рождает просвещение, прогресс, формирует развитую цивилизацию. В Европе, в отличие от России, именно так все и происходило: борьба варваров с Римом, пап с императорами, победителей с побежденными, феодалов с народом, царей с феодалами, коммунарами, народами, наконец, собственников с неимущими.

По мысли Герцена, бесспорная заслуга Петра Великого состояла в честном осознании бесперспективности косной московской Руси, в понимании необходимости ее «очеловеченья». Однако петровская практика «варварской борьбы против варварства», европеизация «из-под кнута» ведет, по Герцену, к утрате последних остатков русской свободы, закреплению личности. Последователи Петра в силу своей ответственности только ухудшили положение национальной культуры: насилие во имя просвещения сменилось бессмысленным насилием. Будучи «безусловным европеистом по культуре» и резко критикуя допетров-

скую Русь, Герцен указывал на издержки и опасные последствия принудительной и вследствие этого поверхностной европеизации России.

Позицию Герцена невозможно определить как западническую, однако и к славянофильскому лагерю мыслителя отнести нельзя. Главным критерием его оценок оставался вопрос о наличии в обществе «свободы лица». Русский человек встал перед выбором: либо «православно-славянский ошейник», либо новейший «немецкий ошейник». Характеризуя эволюцию взглядов А. И. Герцена, многочисленные исследователи отмечают в качестве переломного момента разочарование мыслителя в Европе. В работе «Концы и начала» (1862–1863) он написал о том, что «люди, как товар, становились чем-то гуртовым, оптовым, дюжинным, дешевле, плоше врозь, но многочисленнее и сильнее в массе. Индивидуальности терялись, как брызги водопада, в общем потоке»¹. Можно сказать, что автор прозрел проблематику европейской культурфилософской мысли будущего: идеи «массовой культуры», «бегства от свободы» и т. п.

Какой выход видит Герцен для российской культуры, каков путь избавления от псевдоевропеизации? С его точки зрения, необходимо вернуться к прошлому, но не к «диким формам» допетровской Руси, а к ее преобразованному «человеческому содержанию», представленному в различных формах социальной самоорганизации (сельская община, артель, казачество). В своих рассуждениях Герцен от восхваления волевого усилия «царя-реформатора», которого он вначале считал адекватным заменителем европейской Реформации («у нас целый переворот, кровавый и ужасный, заменился гением одного человека»), пришел к осознанию необходимости подлинной Реформации как переосмыслению национальных первоисточков низовой демократии, не покоренной ни «татарством», ни «немецчиной».

Во второй половине XIX в. оригинальную культурфилософскую концепцию создал Н. Я. Данилевский (1822–1885), прославившийся своей книгой «Россия и Европа» (1869, 1-е изд. 1871). В этой работе Данилевский доказывает, что общечеловеческой цивилизации нет и потому определенные культурно-исторические общности не могут быть представлены как ступени иерархии исторического развития. Концепция культурно-исторических типов Данилевского положила начало «цивилизационному» подходу к исследованию исторических форм культуры. В рамках такого подхода общечеловеческая культура предстает как набор принципиально различных локальных организмов, самостоятельно проходящих стадии зарождения, расцвета и упадка.

¹ Герцен А. И. Концы и начала // Собр. соч.: В 30 т. — М.: АН СССР, 1959. Т. 16. С. 184.

Мыслитель называет три основных аспекта, различия в которых играют принципиальную роль при формировании культурно-исторических типов: этнографические особенности (психический строй), религиозный строй (высшее духовное начало), историческое воспитание (условия исторической жизни). Именно серьезными отличиями в этих сферах объясняет Данилевский невозможность для России и других славянских народов влиться в романо-германский культурно-исторический тип. Заимствование элементов другой культуры неизбежно носит только поверхностный характер. Поэтому перемены, произошедшие в культуре после Петра I, Данилевский называет «европейничаньем», предвещая великое будущее пока еще младенческому славянскому культурно-историческому типу.

Надежды на развитие славянского культурно-исторического типа Н. Я. Данилевский обосновывает с позиций предложенной им теории культурообразующих видов деятельности. К ним относятся политическая, социально-экономическая, религиозная и творческая (научная и художественная) деятельность. Кажущееся превосходство европейской цивилизации Данилевский объясняет тем, что германо-романский тип культуры в равной степени развил три из четырех базовых видов деятельности. Однако сам расцвет европейской культуры, с позиций теории Данилевского, представляется как указание на приближение неизбежного культурного упадка. Будущее, полагает ученый, именно за славянским культурно-историческим типом, который как раз только входит в пору зрелости. Цивилизационное преимущество этого типа культуры Данилевский видит в его «четырёхосновности», поскольку, как последовательно доказывается на страницах «России и Европы», у славянского культурно-исторического типа есть задатки для развития всех культурообразующих видов деятельности.

Идея исторических типов культуры получила своеобразное развитие в концепции К. Н. Леонтьева (1831–1891). Его считали последователем Н. Я. Данилевского, но с творчеством этого мыслителя писатель познакомился уже тогда, когда его убеждения вполне сформировались. Леонтьев сформулировал закон триединого процесса развития и упадка культур: «первичная простота», пора «цветущей сложности» и «смесительное упрощение» некогда ярких и причудливых форм. Как и Данилевский, Леонтьев отстаивает самобытность России, предупреждая об опасности денационализации культуры и господства одного всемирного культурного стиля. Но при этом Леонтьев никогда не был славянофилом, а позиции неославизма резко критиковал.

Основные идеи К. Н. Леонтьева изложены в работе «Византизм и славянство» (1875). Именно византизм мыслитель считал движущей силой исторического развития России. Леонтьев говорит о том,

что средневековая Европа уже имела свою, почти оформившуюся государственность и не нуждалась в духовном опыте Византии. Политические и социальные основы умирающей империи перенимали неискушенные в государственном строительстве восточнославянские племена. В отличие от славизма, византизм — не абстрактное понятие, а историческая форма культуры, имеющая свои отличительные признаки. Византизм в государстве означает самодержавие, в религии — христианство с определенными чертами.

Леонтьев был глубоко православным мыслителем. В анализе русской культуры основным для Леонтьева было то, что в России издревле первой обязанностью человека считалась забота о душе. Стремление к совершенствованию своего внутреннего, духовного мира, в отличие от европейского устройства внешнего, материального положения человека, — вот главная культурная особенность России. По мнению мыслителя, в России сильны три вещи: православие, родовое самодержавие и сельский поземельный мир (община). Более всего его смущало среди российских особенностей историко-культурного развития отсутствие привычки к преобразованиям и практических навыков их осуществления. Получив во владение византийское наследство, Россия не собиралась его менять или приспосабливать осмысленно к своим национальным условиям и обстоятельствам. Это стало роковым обстоятельством в последующей исторической судьбе России. Поэтому, ратуя за сохранение национального характера культуры, Леонтьев видит необходимость внутривизантийских изменений, которые должны привести к появлению «особого стиля культурной государственности».

Современные исследователи творчества К. Н. Леонтьева относят его к стану консерваторов, поскольку «русский византизм» включает в себя идею необходимости сохранения доставшихся от предков традиций, негативное отношение к европейской концепции «естественных прав и свобод», а также трактовку политических проблем как религиозных и моральных в своей основе.

Своеобразным итогом поисков культурной идентичности стала работа Н. А. Бердяева «Душа России» (1915). По мнению ученого, общинность, свойственная отечественной культуре, приводит к тому, что народ в целом предстает как единая личность, как воплощение богочеловеческого начала, для которого свойственен героизм самоотречения. Богочеловеческим свойством является прежде всего способность жертвовать собой во имя других, а также мужество жить, зная, что впереди ждет смерть, и восходить к высотам духа, переживая страдания, что подчеркивается в православии, являющемся основанием русской традиционности. По словам философа, «душа России» стремится к жертвенности, поскольку «лишь жертвенность большого и сильного, лишь

свободное его уничтожение в этом мире спасает и искупляет»¹. Жертвенность позволяет выйти за пределы себя, и здесь у России свой путь, не пересекающийся с другими культурами. Он состоит в соединении мужественности характера и женственности русской души.

4. Культурное наследие России: Древняя Русь

Первый этап развития русской культуры составляет история Киевской Руси — нового государства, появившегося в IX в. вследствие объединения восточнославянских племен под династией Рюриковичей. Образование государства принято датировать 862 г. Оно возникло на пути «из варяг в греки», что предопределило широкие торговые и политические связи, а в дальнейшем быстрое развитие культуры. Большую часть сведений о древнейшем периоде русской истории мы получаем из «Повести временных лет». Это наиболее ранний из дошедших до нас русских летописных сводов, который относится к началу XII в. Другими письменными источниками, повествующими о событиях и о духовной жизни в период становления отечественной культуры, мы не располагаем, поэтому о славянской мифологии мы имеем мало сведений, хотя более поздний пласт устной народной культуры известен достаточно хорошо благодаря дошедшим до нас былинным циклам. Некоторые из современных историков и филологов считают, что в былинах получили отражение конкретные исторические факты и оказались запечатлены исторические личности. Более верной представляется, однако, точка зрения на былины как на явление фольклора, отражающее самые общие процессы социальной и политической жизни.

Письменность у восточных славян первоначально получает распространение под воздействием внутренних факторов, однако письменная культурная традиция складывается уже под влиянием христианской книжности. Древнерусский литературный язык весь пронизан живой разговорной речью: она слышна в юридических текстах, летописях, в «Молении Данила Заточника» (первая треть XIII в.) и во многих других письменных памятниках. Живой голос эпохи звучит и в «Слове о полку Игореве», несмотря на то что поэтическое повествование о событиях 1185 г. дошло до нас только в позднем списке, утратив часть первоначальных черт и окрасившись особенностями новгородско-псковского говора.

Важнейшим этапом в формировании целостного государства стало принятие в 988 г. христианства, введенного в качестве государственной

¹ Бердяев Н. А. Душа России. — Л.: Сказ, 1990. С. 26.